

Глава 73. Семейные дела

Маленький Фу Шэн склонил голову набок.

Он протянул руку, ткнул пальчиком в красивую подвеску, и на пухлом личике расплылся сладкий-сладкий смех.

— Тогда я оставляю её младшему братику!

Женщина тоже не сдержала улыбки.

Она притворно укоризненно взглянула на Фу Шэна:

— С чего ты решил, что будет младший брат? А если младшая сестрёнка, Шэн-эр уже не отдаст?

— Сестрёнке тоже отдам!

Белая пухлая ручка схватила подвеску. Фу Шэн с любопытством её разглядывал. На нефрите были тонко вырезаны два переплетённых в полёте феникса. Совсем как изначальное духовное пламя прямой линии рода Фу из Гуанлина — прекрасное, живое, полное жизни.

Женщина привязала подвеску Фу Шэну на пояс и, завязывая, мягко сказала:

— Подвески для младших брата или сестры мама приготовит сама. А эту Шэн-эр пусть хорошенько хранит. Когда вырастешь и встретишь того самого человека, сразу поймёшь, что мама имела в виду.

Красный шнурок легко прошёл сквозь тонкие пальцы женщины и спокойно лег на талию Фу Шэна.

Цзян Тан опустил глаза.

Сейчас красный шнурок держали бледные пальцы Фу Линцзюня. Тот неловко подвязывал подвеску.

Белый нефрит мягко сиял и просвечивал, а два феникса на нём были вырезаны так живо, словно вот-вот вспорхнут.

Две картины в один миг наложились друг на друга, и Цзян Тану вдруг показалось, что он снова оказался в той мирной летней ночи. Пламя свечи дрожало от вечернего ветерка, листья тихо шелестели.

Интересно, а после этого Фу Линцзюнь всё ещё любил есть те сладкие лепёшки?

Цзян Тан вдруг протянул руку и накрыл ладонь Фу Линцзюня.

Сначала легко сжал половину кисти, потом медленно провёл по пальцам один за другим и наконец крепко обхватил всю ладонь.

Его рука была заметно меньше. Фу Линцзюнь на миг замер, перестав подвязывать кисточку, поднял глаза — и в тёмных зрачках застыло то, что юноша хотел сказать и не мог.

— Я...

Цзян Тану вдруг безумно захотелось заплакать.

Он видел Фу Линцзюня ребёнком — озорным, избалованным, умеющим капризничать и ластиться. Видел его юным небесным гением — ослепительным, полным духа, уничтожающим демонов и чудовищ. Видел, каким он был с родными и друзьями — вежливым, мягким, заботливым. И видел, как тот же человек, размахивая огромным тяжёлым мечом, рубит головы собственным родственникам, а нефритовая корона у него на голове трескается, и чёрные волосы, пропитанные кровью, окутывают его с ног до головы, будто злой дух выползает из преисподней.

В тех воспоминаниях, реальных до такой степени, будто всё происходило прямо перед глазами, в постепенно гаснущих алых глазах Фу Линцзюня было неверие, безмерная скорбь, отчаяние, которое по капле вытягивало из него весь свет. А потом всё это обратилось в бесконечную жажду убийства и ненависть, превратив тёплого юношу в мрачного призрака, который безжалостно охотился на всякого, кто к нему приближался.

Цзян Тану хотелось его обнять.

Хотелось обнять душу, которая в одиночку выносила мучения тысячи лет.

Но Фу Линцзюнь ведь не знал, что он видел те воспоминания.

Цзян Тан не мог сказать ему об этом. Он боялся, что Фу Линцзюнь решит, будто его жалеют. А ведь это был такой гордый человек. Он никогда сам не говорил о своём прошлом. Ему было нужно только одно: чтобы враги боялись его, теряли от страха сон, а он в молчании расставлял фигуры и в конце концов опрокинул того, кто сидел высоко на вершине, — даосского святого, сорвал с лицемера маску и отомстил за тысячу триста двадцать шесть человек из префектуры Гуанлин.

Разве Фу Линцзюнь захотел бы, чтобы он видел его самое страшное и самое постыдное прошлое?

Пальцы Цзян Тана невольно сжались сильнее.

Встретившись с удивлённым взглядом Фу Линцзюня, он с трудом подавил слёзы в голосе и выдавил:

— Я... голоден.

Фу Линцзюнь знал, что Цзян Тан избалован. И когда был маленьким зверьком, и когда стал юношей — ему всё время хотелось вкусного и много.

Он уже хотел, не разнимая переплетённых рук, открыть жемчужину Нахай у него на поясе, но вдруг о чём-то вспомнил, высвободил ладонь и достал из своей жемчужины Нахай половину чёрной, как сажа, пилюли.

Это была та самая вонючая пилюля со вкусом грязных носков, которую он в прошлый раз разломил пополам, одну половину запихнул Цзян Тану в рот, а вторая осталась.

— Сначала съешь это.

Цзян Тан: «...»

Нет, ну почему великий злодей решил именно сейчас вытащить такую штуку и напроць убить весь настрой?! Он ведь только что чуть не расплакался! Ещё немного — и точно бы не сдержался! А теперь стоило ему увидеть эту незабываемую пилюлю, как вся жалость и вся любовь мгновенно исчезли, оставив после себя только три громких, решительных слова:

— Не буду есть!

И не только словами. Цзян Тан тут же решил доказать на деле, что даже смерть не заставит его проглотить эту гадость, — и рванул наутёк.

Но его сразу же поймали, словно цыплёнка.

Фу Линцзюнь обхватил его обеими руками за талию. Чуть сильнее прижал — и Цзян Тан оказался намертво зафиксирован, не вырваться.

— Хорошее лекарство всегда горчит, — сказал он.

Цзян Тан затряс головой так усердно, будто сам превратился в тот самый барабанчик-погремушку.

— Я уже ел это в прошлый раз!

Горький, вязущий вкус будто навсегда впечатался ему в память. Стоило только снова почувствовать этот тухловатый запах, как ему чудилось, будто во рту весело плавают сотня вонючих носков. Лицо у него сразу позеленело. Выкрикнув протест, он изо всех сил сжал губы и не оставил Фу Линцзюню ни малейшего шанса.

На этот раз, даже если великий злодей пустит в ход свою красоту, он уже не купится! Он вырос! Теперь ни поцелуи, ни объятия, ни всякие подхваты на руки не сработают! Он не размякнет!

И тут Фу Линцзюнь убрал иллюзию с лица.

Длинные волосы, чёрные как воронье крыло, сами собой распустились и водопадом упали ему на плечи.

С этой распушенной шевелюрой бледное, почти демонически прекрасное лицо вдруг казалось даже хрупким.

Цзян Тан: «???»

Нет, он протестует! Фу Линцзюнь жульничает! Он бессовестно соблазняет его этим лицом! Неужели он похож на человека, у которого при виде красавца мозги отключаются?!

Разве можно дважды споткнуться на одном и том же месте?!

Фу Линцзюнь усадил Цзян Тана на стул, наклонился ближе, и в его руке появился завернутый в промасленную бумагу сладкий пирожок.

Точно такой же, как тот, что был в воспоминании в бездне обиженных душ.

— Тогда съешь это, — сказал он.

Цзян Тан по инерции тут же открыл рот:

— Хорошо.

И в следующую секунду ему в рот зачихнули половинку вонючей пилюли со вкусом носков. Но прежде чем горечь успела распознаться, Фу Линцзюнь тут же сунул ему кусочек разломанной сладкой лепёшки. Сладость мгновенно растаяла на языке и сменила горечь.

У-у... как же сладко.

* * *

На этот раз Фу Линцзюнь вернулся очень ненадолго. Скормил Цзян Тану оставшуюся половину той вонючей пилюли — и снова ушёл по делам. Правда, не далеко и ненадолго: скоро должен был вернуться.

Едва он вышел, Цзян Тан тут же обмяк на стуле.

Всё, конец. Фу Линцзюнь просто рождён, чтобы его изводить. Он ради этого лица даже пилюлю со вкусом носков съел без возражений. Ну где тут справедливость?

На что только не пойдёт человек, влюбившийся по уши.

И главное, Фу Линцзюнь всё равно упорно не говорит, что это за вонючая пилюля такая. Если бы Цзян Тан только что не получил от него тайком подаренный знак любви, он бы всерьёз решил, что великий злодей хочет его отравить.

Какое ещё «горькое лекарство полезно»? Чем он вообще болен? По идее ничем. В последнее время здоровье у него очень даже ничего: ест по три-пять раз в день, аппетит отличный, спит хорошо, чувствует себя бодро. Совсем не похоже, что ему положено глотать такую гадость.

Ладно. Хватит об этом думать. Всё равно одна пилюля уже съедена, а красота великого злодея в его глазах уже ушла в овердрафт. В следующий раз точно не сработает!

Когда человек один и ему скучно, в голову лезет всё подряд.

Вот и Цзян Тан задумался, что тоже хочет подарить Фу Линцзюню подарок.

— Одежда, еда, игрушки, жемчужина Нахай...

Он долго загибал пальцы, а потом понял: всё, что он сейчас носит, ест и использует, куплено Фу Линцзюнем. И всё это ещё и ужасно дорогое.

У великого злодея не было недостатка ни в деньгах, ни в артефактах. А у Цзян Тана, во-первых, денег не было вовсе, а во-вторых, ему казалось бессмысленным дарить то, чем Фу Линцзюнь всё равно не станет пользоваться. Поэтому он пошёл от обратного.

Может... приготовить ему что-нибудь?

Как и положено одинокому домоседу, Цзян Тан готовил так себе, хотя яичную лапшу с помидорами сварить мог вполне сносно. Но в этом мире он ни разу не видел помидоров. К тому же Фу Линцзюнь давно уже не ел обычную пищу, разве что изредка пил чай или вино. Он вообще был не таким, как смертные вроде него, которые питаются злаками. Значит, и идея с едой не подходит.

Маленький бесполезный Цзян, обняв книгу с талисманскими письменами, так усердно витал в

облаках, что мысли о подарке менялись одна за другой. Он даже дошёл до идеи, не сделать ли что-нибудь своими руками, как Сян Син. А потом в какой-то момент просто уронил голову на стол.

Никуда не годится. Он не только ничем не может помочь, так ещё и подарок придумать не в состоянии.

Думал он долго, очень долго, и в конце концов всё-таки нашёл хоть одно своё достоинство.

Пусть он был всего лишь мелким забитым офисным рабом, который ночами рисовал макеты для заказчиков, зато рисовал он и правда неплохо. Так, может... нарисовать для великого злодея маленькую книжицу об их встрече? Что-то вроде памятного альбома, который в современном мире дарят на память?

Немного банально. Немного старомодно.

Но это и было самым лучшим из того, что Цзян Тан вообще умел.

Он тут же приободрился, схватил со стола кисть и сам растёр себе тушь.

Работал он быстро.

Очень скоро за ветвями уже повис круглый месяц. Из густой кроны пробивался слабый свет и, будто борясь с тьмой, ложился поцелуем на красивое лицо.

Чёрная одежда, меч за спиной, всё тело в крови.

Именно так выглядел Фу Линцзюнь в тот первый миг, когда Цзян Тан увидел его в префектуре Гуанлин.

На рисунке был не только Фу Линцзюнь. У его ног Цзян Тан нарисовал ещё и маленького пушистого зверька. С ладонь размером, с длинными ушами и пушистым хвостом. Этот зверёк долго бежал, а потом — шлёп! — врезался в ногу красавца и покатился кубарем.

Цзян Тан рисовал и сам улыбался, полностью погрузившись в работу.

Поэтому, когда Фу Линцзюнь вошёл со двора, он сначала даже не услышал шагов. Только когда они добрались до самого порога, он спохватился, испугался и поспешно сунул недорисованный лист в жемчужину Нахай, а сверху набросал новый лист бумаги и кое-как вывел на нём пару бессмысленных закорючек.

— Ты... вернулся.

Поняв, что эти каракули выглядят совсем уж жалко, он поспешно пририсовал ещё пару штрихов.

Фу Линцзюнь не заметил его суетливых попыток что-то спрятать. Он достал из жемчужины Нахай горшок с яркими, роскошными цветами и сказал:

— Пойдёшь вручать ответный подарок.

Цветы чем-то напоминали тот горшок, который раньше подарил ему Хуай Чэнчжан. Только у Фу Линцзюня этот букет был ещё ярче, пышнее и красивее.

Так и пахло деньгами.

Цзян Тан невольно рассмеялся.

Теперь-то он уже всё понял. Ещё с того самого дня, когда Хуай Чэнчжан впервые подарил ему цветы, Фу Линцзюнь начал ревновать. Тогда он сказал, что нужно отправить ответный подарок, потом, вернувшись, ещё и специально пошёл запугивать людей в этой «деревне новичков», а теперь даже ответный подарок выбрал нарочно такого же рода, только ещё дороже — чтобы тихонько позлить соперника.

Из-за вчерашнего происшествия с результатами экзамена Хуай Чэнчжан всё ещё пересдавал стрельбу на площадке. Цзян Тану и самому не слишком хотелось с ним встречаться, так что он просто оставил цветы ученику, который жил с Хуай Чэнчжаном в одном дворе, и попросил передать.

После того как ответный подарок был отправлен, Фу Линцзюнь заметно повеселел. Он взял Цзян Тана за руку и повёл по дорожке меж густо-зелёных деревьев, наслаждаясь ленивым послеобеденным покоем.

Лёгкий ветерок шевелил листву.

Солнечный свет вытягивал за ними по земле две длинные тени. Такие близкие. Такие подходящие друг другу.

Впереди на развилке стояла беседка. За эти дни, пока они ходили туда-сюда вместе с Хуай Чэнъинем и Е Чжэнвэнем, в беседке иногда кто-нибудь сидел, но чаще всего это были молодые ученики — кто проходил мимо и присаживался отдохнуть, кто прятался от полуденного солнца.

Цзян Тан и подумать не мог, что в таком неприметном месте увидит Хуай Шоусиня.

Последнее время он пропустил слишком много сюжета. Фу Линцзюнь уходил по делам без него, и потому Цзян Тан вообще не знал, что сейчас происходит. В прошлый раз Фу Линцзюнь говорил, что сам пойдёт на Пир десяти сторон. Позже Цзян Тан осторожно расспросил Е Чжэнвэня и узнал, что Пир как раз должен начаться в ближайшие дни, а Янь Цунси уже торопит его поскорее вернуться.

Неизвестно, ждал ли Хуай Шоусинь здесь именно затем, чтобы поговорить о Пире десяти сторон.

Его взгляд опустился на их сцепленные руки, и он слегка нахмурился.

— Что это ещё такое! — в сердцах сказал он, с явным неудовольствием глядя на Цзян Тана. — Шэн-эр, ты когда-то тоже был учеником бессмертного рода... как же ты теперь дошёл до такого непристойного поведения?

У Цзян Тана почти не было дара к даосской культивации. В теле не было ни капли духовной силы. Зато лицо было такое, что могло свести с ума целые царства.

И он был мужчиной.

С самого первого дня, как увидел его, Хуай Шоусинь решил, что этот человек — сущее наваждение. А теперь недовольство стало только сильнее.

Фу Линцзюнь не ожидал, что тот скажет ему именно это.

Он чуть приподнял брови.

— Надо же, у почтенного Хуая столько свободного времени, что он уже и в чужие семейные дела лезет.

<http://bllate.org/book/17032/1645089>